Текст · 19 февраля 2020, 07:28
Виталий Васильченко,

«Как мы могли люстрировать так много ценных кадров». Восточная Европа и попытка реформировать спецслужбы

Люстрация — да или нет? «Медиазона» и *Deutsche Welle* заканчивают серию материалов об опыте посткоммунистических стран Восточной Европы, перед которыми уже 30 лет назад встал вопрос о том, как реформировать безнадежно скомпрометировавший себя государственный аппарат и не допустить к власти тех, кто был причастен к преследованию инакомыслящих. Напоследок Виталий Васильченко рассказывает, как новые государства оказались перед необходимостью выстраивать свои спецслужбы — и что из этого вышло.

Министр из подполья

В середине 1990 года первый премьер-министр посткоммунистической Польши Тадеуш Мазовецкий пригласил на встречу Анджея Мильчановского — правозащитника, активиста «Солидарности» и одного из лидеров демократической оппозиции на северо-западе страны. Мильчановский только что вернулся из поездки в США, куда его как «агента перемен» в Восточной Европе пригласили рассказать об опыте мирной революции в Польше. Звонок из правительства застал 51-летнего юриста врасплох: за полгода до этого он объявил, что уходит из политики

и займется скромной работой провинциального нотариуса.

Последние двадцать лет в жизни Мильчановского были полны событиями. В середине 1970-х молодой прокурор неожиданно проникся симпатиями к требованиям Комитета защиты рабочих[1].

, со временем его умеренные политические взгляды постепенно радикализуются. В 1980 году Мильчановский работает юристом на коммунальном транспортном предприятии в Щецине и присоединяется там к забастовочному комитету — с этого момента начинается его стремительная карьера внутри оппозиционного профсоюза «Солидарность»: уже через год Мильчановский представляет интересы рабочих на переговорах с крупнейшими работодателями коммунистической Польши об улучшений условий труда.

Когда в 1981 году из-за массовых протестов «Солидарности» коммунистическое правительство вводит в стране военное положение, экс-прокурор и правозащитник занимается организацией масштабной забастовки рабочих в Западно-Поморском воеводстве[2]. Из-за этого в том же году суд приговаривает его к пятилетнему заключению.

Когда через два года Мильчановский освобождается по амнистии, на выходе его как героя встречают лидер «Солидарности» Лех Валенса и многочисленные сторонники. Понимая, что новый арест — лишь вопрос времени, Анджей Мильчановский уходит в подполье. В течение следующих лет он

устраивает серию громких диверсий на транспорте и масштабную забастовку портовых рабочих. В мае 1989 года Мильчановский становится членом переходного правительства и объявляет, что полностью уйдет из политики после первых демократических выборов в Польше, поскольку его цель — падение авторитарного режима — уже достигнута.

Поэтому неудивительно, что премьер Мазовецкий предложил человеку с такой биографией и огромным капиталом доверия занять пост заместителя генерального прокурора — пост, с которым в новом государстве было связано множество споров и ожиданий. Премьер-министр, к своему удивлению, получает отказ. Бывший подпольщик Мильчановский, начинавший в юности с работы прокурором, уверяет, что не пытается уйти от ответственности, но работа в прокуратуре его интересует меньше всего — любую другую возможность, напротив, он готов обсуждать.

Новое предложение не заставило себя ждать, и через несколько месяцев Мильчановский получает один из руководящих постов в только что созданной Службе государственной безопасности (*UOP*[3]).

Перейти на госслужбу его убеждает министр внутренних дел Польши Кшиштоф Козловский (спецслужба входила в состав МВД). Козловский — известный католический диссидент, публичный интеллектуал и издатель газеты *Tygodnik Powszechny* (один из ее постоянных авторов Карол Войтыла в конце семидесятых стал Папой Римским Иоанном Павлом II), который в разгар ожесточенных

политических конфликтов занимает подчеркнуто внепартийную позицию.

Старые кадры новой спецслужбы

Перед Мильчановским и другими новыми руководителями *UOP* встает немало проблем: им нужно с нуля построить новую спецслужбу, провести ревизию агентов и инвентаризацию оборудования и архивов, прояснить спорные имущественные вопросы между полицией и спецслужбами, предотвратить уничтожение документов. Анджей Мильчановский становится председателем центральной комиссии по оценке кадрового состава бывших коммунистических спецслужб — именно она должна была обеспечить переход от коммунизма к демократии внутри отдельно взятого ведомства. Среди членов центральной и региональных комиссий (подобные работают во всех воеводствах) — активисты «Солидарности», известные оппозиционные политики, представители политических партий и полицейского профсоюза.

«В первые недели работы в *UOP* чувствовалась атмосфера взаимного недоверия между отделами, — рассказывал[4] Мильчановский в 2010 году. — В особенности настороженность, вплоть до готовности при случае саботировать нашу работу, чувствовалась со стороны разведчиков. Мы действительно то и дело обменивались взаимными обвинениями. Тем более что я имел репутацию политического радикала, члена "Солидарности" который блокировал железные дороги, находясь в подполье. От меня

все ждали жажды возмездия за репрессии. Мне постоянно казалось, что директора отделений прячут от меня важные документы, бросающие дурной свет на их прошлую работу, и постоянно пытаются ввести меня в заблуждение. В конечном счете мы сработались».

Доносы, засекреченные документы и несправедливый суд. Что думают в ЕСПЧ о люстрации в странах Восточной Европы

Ключевой вопрос: что делать новому демократическому государству с прежними сотрудниками коммунистической Службы безопасности, учитывая масштаб и практики ее репрессивного аппарата — дать им шанс переквалифицироваться или закрыть доступ к любой госслужбе? В Польше, как и во многих других странах Восточной Европы, разрабатывается сложный процесс верификации офицеров спецслужбы. Успешное прохождение этой проверки, впрочем, не гарантировало продолжения службы: последнее

слово оставалось за региональными комиссиями по оценке кадров. По приблизительным данным, через процедуру верификации в Польше прошло более 14 000 сотрудников коммунистической Службы безопасности, пригодными для дальнейшей службы были признаны 10 500 — но в итоге в *UOP* берут только половину из них.

Процесс верификации проходит децентрализованно — и любопытным образом в тех регионах Польши, где при коммунизме так и не смогли сформироваться активные ячейки «Солидарности» и заметная демократическая оппозиция режиму, большинство сотрудников были признаны недостаточно компетентными для работы в обновленной спецслужбе. Напротив, в оппозиционных регионах с центрами в Гданьске и Щецине только 12% сотрудников не прошли проверку. Впрочем, большая часть офицеров все равно предпочитает преждевременный уход на пенсию — с одной стороны, новое государство гарантирует им солидные компенсации, с другой, решение покинуть службу нередко объясняется эмоциональным кризисом на фоне краха прежних идеалов.

«На руководящем посту в *UOP* я был и остаюсь, в первую очередь, человеком "Солидарности" — это опыт, который определяет меня как человека и политика», — отвечает Мильчановский на вопрос о своей карьере в демократической Польше. Он признает, что несмотря на профессионализм и солидный послужной список, отказался брать на службу двух высокопоставленных офицеров Службы безопасности, поскольку в свое время они были

вовлечены в преследования и пытки активистов профсоюза.

Анджей Мильчановский не раз публично высказывался против неограниченного доступа к архивам и за запрет на публикацию имен бывших агентов спецслужб: по его словам, каждый случай требует отдельного рассмотрения, а вырванные из контекста документы открывают слишком большое пространство для спекуляций — и в конечном счете «охота на стукачей» вряд ли затронет высокопоставленных политиков, но будет стоить карьеры многим, кто действительно ведет Польшу в сторону демократического правового государства. Тем более что активные агентурные сети есть в любой демократической стране.

Уже в 1992 году Мильчановский покидает *UOP* и в двух следующих правительствах занимает пост министра внутренних дел. В начале двухтысячных он окончательно ушел из политики и вернулся в Щецин, где по сей день работает нотариусом.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

Затяжной неконец коммунистических спецслужб

Насыщенная событиями биография Анджея Мильчановского — скорее исключение, чем правило. С рядом оговорок практически во всех странах бывшей организации Варшавского договора спецслужбы проходят скорее через косметические изменения — их деятельность теперь регулируется новыми законами и, например, в

Венгрии попадает под независимый контроль парламентской комиссии. Однако кадровый состав меняется незначительно — заметная часть офицеров переходит на работу в заново созданные спецслужбы, тем самым обеспечивая преемственность между коммунистическим и демократическим режимами.

Обсуждение темы коммунистических спецслужб во всех странах Восточной Европы до сих пор концентрируется в первую очередь на проблеме информаторов и доносчиков — не в последнюю очередь из-за медийного эффекта и политических последствий для тех, кого уличили в сотрудничестве с режимом. При этом доносчики и информаторы были наименее влиятельной группой в иерархии спецслужб — и нередко информаторами становились в результате манипуляций, шантажа и угроз.

По словам исследователей, внимание прессы и политические спекуляции сильно упростили то, каким образом общество воспринимает проблему спецслужб, вынеся за скобки обсуждений их сложно устроенную внутреннюю структуру и взаимодействие между офицерами, агентами, шпионами, осведомителями и доносчиками. С другой стороны, несложно понять, почему информаторы — сильно эмоционально окрашенная тема для пострадавших и повод для жарких политических дискуссий.

Падение Восточного блока спецслужбы встречают с непропорционально большим кадровым составом. При оценке последних десятилетий существования железного занавеса часто упускается из виду, что политика разрядки международной напряженности в конце 1970-х привела сначала к осторожным, а

затем интенсивным контактам между спецслужбами стран Варшавского договора и НАТО. В результате у коммунистического руководства этих стран появились опасения, что из-за этого сотрудничества их собственные агенты поддадутся на западную пропаганду и возникнет риск политических диверсий — чтобы сохранить контроль над спецслужбами и их сотрудниками, сильно увеличивается кадровый состав. Вполне логично, что рост репрессивного аппарата сказывается и на гражданах, среди которых начинают с новым рвением искать внутренних врагов.

Историки и специалисты по спецслужбам сходятся во мнении: число информаторов и неофициальных сотрудников многое говорит о стабильности внутри системы. Многочисленность кадрового состава спецслужб, активность вербовки неофициальных сотрудников (специалисты проводят различение между доносчиками и теми, кто выполнял поручения), размер их оклада и интенсивность инвестиций в новое оборудование — все это свидетельствует о нестабильности государства и расколе внутри его элит.

По некоторым, отчасти спорным, оценкам, к началу 1980-х на весь Восточный блок (за исключением СССР) насчитывалось[5] около 600 000 информаторов и неофициальных сотрудников спецслужб — при этом непосредственно вербовкой занималось не более 3-5% их кадрового состава. В это число попадают и двойные агенты, которые контактировали с *BND*[6] и ЦРУ — в частности, после 1990 года выяснилось, что от

90 до 100% контактных лиц США в Восточном блоке (прежде всего, в ГДР) были двойными агентами.

В эти же 600 000 включены и те, кто перехватывал управление отдельными оппозиционными группами или вообще создавал их, распространял запрещенную литературу, организовывал критически настроенные к режиму студенческие и церковные кружки. Интересно, что документы об этом направлении работы до сих пор засекречены, сохраняют статус государственной тайны и так и не были переданы ни в одни из институтов национальной памяти, созданных в странах Восточной Европы. При этом некоторые из таких неофициальных агентов в коммунистическое время вполне могли занимать лидирующие роли среди интеллигенции, оппозиции и структур гражданского общества — ведь именно в их случае реже всего возникало подозрение о возможной работе на спецслужбы.

Люстрация не то, чем она кажется. Как страны Восточной Европы разбирались со своим недавним прошлым

Говорить о точных цифрах официального кадрового состава коммунистических спецслужб крайне затруднительно: с одной стороны, сохранившиеся и доступные ученым документы касаются прежде всего периода с 1950-х по 1960-е. С другой — в странах Восточного блока отсутствовала единая структура спецслужб, а их внутренняя иерархия и подчинение вышестоящим инстанциям сильно отличались друг от друга.

Например, последние верифицированные данные из Болгарии относятся к началу 1960-х (тогда правительство провело крупную реструктуризацию МВД): 7 000 сотрудников были заняты в сфере государственной безопасности, при этом насчитывалось 55 000 информаторов, неофициальных агентов, владельцев конспиративных квартир. Всего же в министерстве внутренних дел Болгарии по состоянию на 1961 год трудились 17 900 человек. Эксперты полагают, что к концу восьмидесятых эти цифры выросли минимум на треть.

Польский Институт национальной памяти опубликовал документы, из которых следует, что в 1985 году в Службе безопасности работали 25 634 человека (впрочем, в этих данных не уточняется род их деятельности). Это примерно 74% кадрового состава министерства внутренних дел (без учета военной разведки и студентов местного аналога академии КГБ). В Чехословакии последние данные датируются началом 1968 года — накануне Пражской весны в Службе государственной безопасности[7]

числилось 10 140 сотрудников, больше половины из них в контрразведке. В Венгрии в 1969 году обеспечением госбезопасности занималось 5 037 человек (без учета военной разведки).

Несмотря на провозглашенные в коммунистических странах идеалы равенства полов, спецслужбы долгое время остаются исключительно мужским клубом: за исключением Чехословакии, где этот показатель превышает 27%, женщины составляют в среднем менее одной пятой кадрового состава (17%).

Многие документы, которые могли бы пролить свет на кадровый состав коммунистических спецслужб в 1980-х, а также рассказать об их отдельных международных акциях, либо разбросаны по разным странам, где чаще всего засекречены, либо давно уничтожены. В частности, в Венгрии еще в шестидесятых были уничтожены практически все документы, касающиеся «сталинского периода» местных спецслужб. Еще до распада Советского Союза КГБ избавляется от документов, связанных с чехословацкими, венгерскими и польскими спецслужбами.

Окей, сексот

«Спецслужбы никогда не были настолько всемогущими, как бы ни хотелось в это верить — полнота власти всегда оставалась за Коммунистической партией, которая давала санкции на репрессии», — считает[8] бывший сотрудник чехословацкой спецслужбы[9] Борис Лазар, пришедший туда на волне демократических перемен.

Коммунистов и партию принято воспринимать как нечто монолитное, но действительность была намного сложнее. Даже в поколении пятидесятых годов, которое застало войну, партизанское сопротивление, и становление биполярного мира, в идеалы марксизма-ленинизма пламенно верит сравнительное меньшинство — уже тогда, подчеркивают историки, в партии состоят по большей части те, кто вступил туда исключительно по карьерным соображениям. Поколения шестидесятых и семидесятых еще сложнее назвать убежденными коммунистами — по всей Восточной Европе коммунистические партии в сущности оставались единственным путем в элиту.

Это отражается и на составе спецслужб — в пятидесятые основной костяк созданных с подачи СССР спецслужб составляли бывшие партизаны, со рвением занимавшиеся поиском внутренних врагов, следующее поколение было представлено уже профессионально подготовленными офицерами, которых со временем сменяют карьеристы, настроенные в первую очередь на социальные привилегии и скорое продвижение по службе. И если первое поколение сотрудников защищает режим всеми возможными средствами, включая тюремные

заключения и трудовые лагеря, физическое уничтожение идеологических противников, высылки и тотальный контроль над обществом, то поколение семидесятых приходит в спецслужбы с хорошим образованием, более сложным представлением об устройстве мира и в чем-то даже более мягкими взглядами.

Кадровый состав чехословацких спецслужб после 1989 года очень условно можно поделить на три неравные группы. Первая — остатки старых сотрудников, которые начали свою карьеру еще при коммунизме и были готовы продолжить ее после падения режима. Их опыт и навыки особенно ценились сотрудниками зарубежных разведок, которые с недоумением отнеслись к практике люстраций в Восточном блоке.

«Один из главных вопросов, который мы получали от западных коллег: как мы могли уволить и люстрировать так много ценных кадров? Ведь их профессионализм важнее политических разногласий, — пересказывает Лазар разговор с американскими коллегами из ЦРУ. — Американцам было непросто объяснить посткоммунистическую реальность и общественную стигму, которую спецслужбы во многом получили заслуженно».

Вторая группа состояла из «реактивированных агентов», вернувшихся на родину из-за рубежа после падения коммунистического режима. В шестидесятые и семидесятые годы чехословацкая разведка проходит через несколько чисток — за мелочные проступки сотрудников исключают из партии, а возвращение домой, где нередко у них

оставались семьи и близкие, в большинстве случаев грозило многолетним тюремным заключением. Так что многие агенты остаются за границей. Удивительным образом лишь единицы из них стали перебежчиками, остальные в изгнании перебивались малоквалифицированным трудом: например, один из ключевых офицеров во Франции, став персоной нон-грата на родине, работал в бригаде маляров.

Третья группа состояла из новобранцев — среди них был и сам Борис Лазар, который мало что понимал в оперативной работе и с трудом отличал BBC от BND-[10].

«Спецслужбам пришлось заново искать свое место в новом аппарате власти и смириться с несколькими болезненными конституционными реформами, ограничивающими их деятельность. <...> Сказать, что процесс демократизации давался нелегко — это ничего не сказать. А потом Чехословакия развалилась и никто не понимал, что делать. К счастью, вскоре у спецслужб нашлись кураторы в новой вертикали власти, которые сами были отчасти выходцами из SNB[11]», — вспоминал Лазар.

Иллюстрация: Анна Макарова / Медиазона

«Элиты решили пожертвовать спецслужбами»

«Персонал не был враждебно настроен к новому демократическому правительству, — рассказывает-[12] Кальман Кочиш, который работал в венгерских

спецслужбах с 1971 года. — Уже в середине восьмидесятых было понятно, что грядут неизбежные перемены. Мы были морально к ним готовы, но встретили их без особого энтузиазма».

Переход к демократии в Венгрии несколько отличался от других стран Восточного блока — реформы здесь запускаются сверху правительством Миклоша Немета, поскольку внутри элит назрел запрос на перемены. Спецслужбы в Венгрии даже формально не были распущены и учреждены заново, как это произошло во всех остальных бывших коммунистических странах Восточной Европы — здесь подобные меры затронули только политическую полицию.

«В сентябре 1989-го мы дружелюбно попросили двадцать советников из Москвы покинуть здание и больше никогда не возвращаться. В октябре мы официально прервали любое сотрудничество с КГБ, — вспоминает Кочиш. — Венгрия оказалась в рассыпающемся Восточном блоке, где на ее границах с СССР и Югославией назревали внутренние конфликты — стране требовались сильные спецслужбы. И в этих условиях нам пришлось мириться с парламентскими запросами о нашей работе».

Институты национальной памяти. Открытие архивов и доступ к документам спецслужб в Восточной Европе

В венгерском парламенте для этого была создана комиссия, которая впоследствии становится постоянной: в ее полномочия входит наблюдение за активностью спецслужб, у комиссии есть право требовать у них внутренние документы и отчеты, в том числе и секретные. Кроме того, в законе о парламентской комиссии по делам спецслужб прописано важное условие ее работы: для обеспечения прозрачности председателем может быть назначен только представитель оппозиции. Неудивительно, что время от времени это положение становилось причиной политических скандалов.

«Бывшие социалистические элиты решили пожертвовать спецслужбами, чтобы снять с себя груз ответственности. Они еще надеялись сохранить власть, проведя косметические реформы», — подытоживает[13] опыт других стран Восточного блока Бриго Аспарухов.

В 1970 году, закончив в Софии экономический факультет, он сразу после выпуска получил направление в Комитет государственной безопасности[14]. После месячной подготовки Аспарухов стал разведчиком, он специализировался на Балканах и служил в болгарской спецслужбе вплоть до падения коммунизма: 15 лет оперативным работником, шесть лет на руководящем посту в отделе анализа информации. Когда на смену старому

режиму приходит курс на демократию, он оказался среди тех немногих офицеров, кто остался на службе. Аспарухов получил пост директора разведки.

«В 1989 году несогласные с демократическими переменами в Болгарии оставляют службу, руководствуясь целым комплексом причин: с одной стороны, не стоит недооценивать эмоциональную нагрузку при развале старых, понятных структур. С другой, уходя на преждевременную пенсию, сотрудники спецслужб получали солидные компенсации. Но главное, около 25 000 уволенных сотрудников политической полиции в большинстве своем нельзя причислить к проигравшим от демократических перемен. Заметная часть из них, используя сохранившиеся связи, смогла отхватить свой кусок при перераспределении капитала и приватизации».

Вполне возможно, заключает болгарский историк Костадин Грозев — один из главных специалистов по новейшей истории Восточной Европы, специализировавшийся на проблемах люстрации и перехода от коммунизма к демократии — что некоторые из сегодняшних девелоперов или инвестиционных банкиров Восточной Европы в молодости пытали людей.

Источники

Kamiński, Łukasz. Handbuch Der Kommunistischen Geheimdienste in Osteuropa 1944-1991. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
Smidt, and Smidt, Wolbert K. Der Allmächtige Geheimdienst — Ein Relikt Der Vergangenheit?:

Zur Transformation Der Geheimdienste Mittel- Und Osteuropas Nach 1990.
Johnson, Loch K. The Oxford Handbook of National Security Intelligence. Oxford [u.a.]:
Jäger, Thomas, and Daun, Anna. Geheimdienste in Europa: Transformation, Kooperation Und Kontrolle. Wiesbaden: VS Verlag Für Sozialwissenschaften, 2009.
Bensussan, Agnès. Die Überlieferung Der Diktaturen : Beiträge Zum Umgang Mit Archiven Der Geheimpolizeien in Polen Und Deutschland Nach 1989. 1. Aufl.. ed. Essen: Klartext-Verl., 2004.
Schroeder, Friedrich-Christian, and Herbert Küpper. Die Rechtliche Aufarbeitung Der Kommunistischen Vergangenheit in Osteuropa. Frankfurt Am Main Wien [u.a.]: Lang, 2010.
Werle, Gerhard, and Moritz Vormbaum. Transitional Justice. Berlin, Heidelberg: Springer Berlin Heidelberg, 2018. Springer-Lehrbuch.
Mihr, Anja ; Pickel, Gert ; Pickel, Susanne. Handbuch Transitional Justice. Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden, 2018.
Dvořáková, Vladimíra. Lustration and Consolidation of Democracy and the Rule of Law in Central and Eastern Europe. Zagreb: CPI, 2007. Print. Ser. of Political Science Research Centre Forum

Редактор: Егор Сковорода

1. Комитет защиты рабочих (Komitet Obrony Robotników) — правозащитное движение, выступавшее за реформы с социал-демократических позиций. Состоял прежде всего из интеллигенции и публичных интеллектуалов. Лидеры Комитета были

арестованы во время введения в Польше военного положения в 1981 году, а его остатки слились с «Солидарностью».

2. Воеводство — крупнейшая административная единица в Польше. Сейчас страна разделена на 16 воеводств, а с 1975 по 1998 год их было 49.

3. Urząd Ochrony Państwa

4. Цитируется по изданию The Internal Security Review-2010 Agencja Bezpieczeństwa Wewnętrznego, это ведомственный журнал Агентства внутренней безопасности Польши.

5. Все цифры в этой главе даются по изданию Handbuch der kommunistischen Geheimdienste in Osteuropa 1944-1991, наиболее исчерпывающему на сегодняшний день международному исследованию работы коммунистических спецслужб.

6. Bundesnachrichtendienst — Федеральная разведывательная служба Западной Германии.

7. Státní bezpečnost (StB)

8. Цитируется по сборнику Smidt, and Smidt, Wolbert K. Der Allmächtige Geheimdienst - Ein Relikt Der Vergangenheit?: Zur Transformation Der Geheimdienste Mittel- Und Osteuropas Nach 1990.

9. Он был сотрудником Корпуса национальной безопасности (Sbor národní bezpečnosti, SNB) — национальная полиция в Чехословакии с 1945 по 1991 год, Служба государственной безопасности (StB) входила в состав этого ведомства.

10. BND — Федеральная разведывательная служба Западной Германии, BBC — Британская вещательная корпорация.

11. Sbor národní bezpečnosti (Корпус национальной безопасности).

12. Цитируется по сборнику Smidt, and Smidt, Wolbert K. Der Allmächtige Geheimdienst - Ein Relikt Der Vergangenheit?: Zur Transformation Der Geheimdienste Mittel- Und Osteuropas Nach 1990.

13. Цитируется по сборнику Smidt, and Smidt, Wolbert K. Der Allmächtige Geheimdienst - Ein Relikt Der Vergangenheit?: Zur Transformation Der Geheimdienste Mittel- Und Osteuropas Nach 1990.

14. Комитет за държавна сигурност (ДС)